

Свадьбы буреломные: дорожная традиция России, мифологические представления и особенности традиционных свадебных передвижений (XIX–XX века)

Коршунков Владимир Анатольевич

кандидат исторических наук, доцент, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: vla_kor@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются мифологические представления о свадьбах у леших. Считалось, что быстрое движение их свадебных поездов сокрушало все на своем пути, образуя буреломы. В связи с этим обращено внимание на народные поверья об особых дорогах, по которым в лесу ходит леший, и о сильном ветре, который сопутствует лешему при его движении. Это преимущественно русские поверья, обряды и обычаи, но они встречаются также у других народов России – например, удмуртов, коми-зырян, коми-пермяков, мордвы и др. Использованные в статье исторические, этнографические, фольклорные источники относятся к XIX–XX вв. Особое внимание уделено Русскому Северу и Вятскому краю. Материалы источников рассмотрены и изучены в историко-антропологическом контексте.

В статье доказывается, что представление о проезде свадьбы леших связано с обычаем скорой езды на обычных людских свадьбах. Участники свадебного обряда вели себя буйно, а их повозки мчались стремительно. Такие действия являлись составной частью дорожной традиции, характерной для России. Дорожная традиция – это особенности передвижений и прочие дорожные обстоятельства при дальних сухопутных путешествиях и перевозках (преимущественно при помощи гужевого транспорта). В методологических рамках этого нового историко-антропологического направления даже известные прежде исторические факты и этнографические явления могут выглядеть иначе. В частности, выявляется соотношение и взаимосвязь мифологических образов и представлений с историко-бытовыми реалиями.

Ключевые слова: дорожная традиция России, русская народная мифология, свадебный поезд, леший, историко-бытовая повседневность, Вятский край.

«– Эх, пересобачим коней, – жалел Огибенин тяжело храпевших коней. – По этакой-то дороге только пьяному черту на свадьбу ездить... Тоже понесла нелегкая!» Это реплика из повести Д. Н. Мамина-Сибиряка «В последний раз» (1903). А ведь пьяная нечисть и вправду гоняла на своих свадьбах!

Зимой, когда, согласно традиции, справлялось большинство свадеб, по проселочным дорогам лихо мчались свадебные поезда из многих разукрашенных саней. Было поверье, что сам царь при встрече должен уступать им путь, потому как жених с невестой и поезжане («честные бояре»), остерегаясь вредоносного колдовства, не могут останавливаться ни на миг. Любая задержка или поломка воспринималась как дурное предзнаменование будущей семейной жизни. Дело в том, что свадьба как «обряд перехода» была уязвима для опасного колдовства: злые силы пытались нарушить брачное соединение жениха и невесты. Потому путь свадебного поезда подготавливался и совершался с множеством заклинаний и оберегов, а быстрое движение, как считалось, может предохранить от колдовских воздействий [14].

П. Ф. Лимеров подметил, что поезжане вели себя подобно мифологическим существам из «инога мира». Они нарочито шумели и буйствовали [17, с. 111. Ср. еще: с. 115–116]. Обе главные группы участников свадебного действия – так сказать, партия жениха и партия невесты – по отношению друг к другу являлись в некотором роде существами иномирными. Вероятно, невеста некогда считалась принадлежащей мифологическому «хозяину», у которого жених должен ее отбить, возвращая в наш мир. А сам жених для невесты и ее родственников – похититель, вторгающийся в их дом извне, откуда-то издалека. Он чужой и поначалу чуждый. Так может объясняться задиристое поведение участников свадьбы. Равно как и сравнение пролетающих по дорогам поезжан с мифологическими персонажами из «инога мира».

У восточных славян распространены поверья, согласно которым буреломы возникали из-за промчавшихся свадеб мифологических лесных «хозяев». Дескать, стремительный их проезд крушил все на своем пути и даже валил деревья [15, с. 467; 16, с. 106]. Реже встречаются

сходные народные рассказы о буйных свадьбах и у водяных. Так объясняли прорыв мельничной плотины или разрушительное половодье (например, весеннее), когда река разносила запруды и подмывала мосты.

В этой статье обращено внимание на традиционные народные представления о свадебных передвижениях именно у леших. Использованные исторические, этнографические, фольклорные источники относятся к XIX–XX вв. В них запечатлены преимущественно русские поверья, обряды и обычаи. Особое внимание здесь уделено Русскому Северу, Уралу, Западной Сибири. Значительная часть источниковой информации обрисовывает ситуацию в Вятском крае. Известно, что многое в традициях и бытовой повседневности русских и тех народов России, которые находились с ними в многовековых тесных контактах, бывало сходным. Поэтому представляется возможным привлекать для анализа материалы, касающиеся удмуртов, живших на территории Вятской губернии и Башкирии, а также коми-пермяков, коми-зырян и мордвы.

Такую тематику следовало бы рассматривать не только в этнографическом контексте, но и в историко-антропологическом, а именно в контексте изучения дорожной традиции – нового научного направления на стыке истории повседневности, этнографии, культурной антропологии. Дорожная традиция – это особенности передвижений и прочие дорожные обстоятельства при дальних сухопутных путешествиях и перевозках традиционным способом (преимущественно при помощи гужевого транспорта). В методологических рамках этого историко-антропологического направления даже известные прежде исторические факты и этнографические явления могут выглядеть иначе. В частности, выявляется обусловленность мифологических образов и представлений историко-бытовыми реалиями.

В середине XIX в. А. Харитонов обрисовал свадьбу леших по представлениям жителей Архангельской губернии. Он сетовал: «Я не мог разведать от крестьян подробностей об этих свадьбах; вероятно, поверье это потеряно между ними». Однако ему удалось указать важные сведения: «Здесь лешие празднуют свадьбы свои шумно, разгульно. Если вы увидите в лесу полосу вырванных с корнями деревьев, непроходимую от множества валежника, знайте, что на этом месте была свадьба лешего с лешухой. Ни один мужик не осмелится лечь в летнюю пору, для отдыха, на лесной дороге: он побоится случайной лесной свадьбы; если он, лежа на дороге, будет препятствием этому веселому поезду, то его уходит (погубит. – В. К.) будущий счастливец-жених или он будет растоптан» [25, с. 138].

В начале XX в. Н. Я. Никифоровский так изложил поверья о свадебных поездах у леших: «Где видится полоса поваленного леса, лежит буреломный валежник – там, несомненно, промчался свадебный поезд леших; но тот же поезд любит лесные дорожки и тропинки, неизбежно останавливается для бесчинства на лесных перекрестках». По словам Никифоровского, лешему или его свадебному поезду всегда сопутствует вихрь [19, с. 52].

Поверья о том, что у лесных «хозяев» имеются в чаще привычные пути-дорожки, на которых человеку лучше не располагаться для ночлега, известны повсеместно. Например, русские жители Водлозерья (края, расположенного на стыке Карелии и Архангельской области) останавливались для ночевки не прямо на лесной тропе или дороге, а чуть в стороне. Они верили, что на тех спящих, кто ночует на дороге, наезжает телега с «нечистыми», отчего люди начинают болеть и даже умирают. Разжигать на их пути огонь тоже запрещалось: тогда «нечистые» могли явиться, чтобы расшвырять головешки костра и побить людей [18, с. 217]. Во второй половине XIX в. примерно в тех же местах (в Пудожском уезде Олонецкой губернии) твердили: «лесовикова свадьба» бывает опасна для людей, один мужик после такой встречи сделался «глупеньким». Другие же говорили, будто лесовик – «праведный», и потому если кто будет иметь несчастье повстречать его свадьбу, он того оборонит. Н. Н. Харузин записал рассказ одной крестьянки, как девушка в лесу с такой свадьбой столкнулась: «Едет их много, много, как люди точно, только что почернее наших будут. Старик один соскочил и отвел ее лошадь в сторону. Так и держал все – а они ехали. Кто помоложе из них, зашучивал даже с девушкой-то – теребит ее. А как проехали все, вывел старик ее лошадь на дорогу и уехал сам» [26, с. 10–11]. В Новгородской области во второй половине XX в. была записана быличка о «лешевой дороге», которую рассказчик заключил сентенцией: «Вот и говорю – на лешевой дороге да на его полосе не стройся» [24, с. 336]. Дорога лешего, с которой он сгоняет человека, – распространенный фольклорный сюжет, нередко встречающийся в наше время. В Омской области рассказывали, как смогли остановить лешего, бросив пилу в поднявшийся вихрь: «Леший принимает образ вихря и возникает на дороге перед людьми, которые пилят в

лесу дрова. Человек бросает в вихрь пилу. Вихрь исчезает. Через какое-то время леший ловит этого человека в лесу и упрекает в том, что он «перерезал ему дорогу»¹.

Знарок народных речений и обычаев русских жителей Вятского края, учитель Н. М. Васнецов заметил: «Есть поверье, что когда вихрь, то это идет леший» [6, с. 32]. Примерно тогда же, в конце XIX в., в Сарапульском уезде Вятской губернии, завидев столб пыли на дороге, говорили: «У, лешой-то че делает!» [30, с. 182]. Собиравший в 1840-х гг. этнографические сведения в Слободском уезде Вятской губернии священник Н. Г. Кибардин отмечал, что, по убеждению местных жителей, дорога у лешего всегда прямая. И если на его пути встретятся стога сена, собранный лен, расстеленные холсты, то он все разметет [9, с. 117]. Другой священник – М. И. Осокин, изучая в 1850-х гг. «народный быт» (то есть повседневную жизнь) вятчан, писал об их мифологических представлениях: «Леший никогда не ходит просто: спереди и сзади его всегда идет сильный ветер, и по направлению ветра можно знать, куда леший держит путь. Никто не видал, чтоб леший оставил где-нибудь след своих ног, хотя бы прошел по песку, по снегу или по грязи. Вихрь приписывают также лешему». И еще: «Лешие женятся шумно. Поезд их всегда сопровождается сильным ветром и вихрем». Если их свадьбе доведется проезжать через деревню, то напрямик. От этого в лесу валяются деревья, в поле разметываются стога, а в деревне сносит крыши [20, с. 28, 37]. В середине 1980-х гг. крестьяне вблизи городка Кукарки (официально это г. Советск Кировской области) «чертовой тропкой» называли линию, которая была продолжением лесной дороги и проходила через деревню. Там нельзя было ничего строить [30, с. 29. См. также: с. 201].

Специалисты по русской фразеологии отмечают устойчивое выражение, описывающее вихрь, снежную метель, – «чертова (бесовская) свадьба» [5, с. 625]. На самом деле вариантов этого фразеологизма должно быть больше двух, как и разновидностей персонажей «нечистой» свадьбы. В сильном ветре и вихрях, по общеславянским представлениям, летали души грешников, колдунов, самоубийц. Воздушные порывы могли быть опасны: так на людей нападали злые духи, насылались порча и болезни. Вихрь осмыслился и как свадьба нечистой силы (ср. пушкинское «ведьму ль замуж выдают?»). Распространенный у славян фольклорно-мифологический сюжет – встреча путника на ночной дороге со свадебным поездом, когда человеку предлагают стать шафером и дают выпить. Перед тем как глотнуть, человек по привычке крестится и тогда вдруг обнаруживает себя в одиночестве: на самом деле он висит над обрывом или над водой, а в руке держит череп лошади, осла, теленка либо черепаху. Свадьбу-то справляли демоны, которые захотели случайного прохожего на «тот свет» отправить [21].

Славяне верили, что в вихре скрыт опасный злой дух (или несколько духов, когда у них свадьба). Вихрь может человеку свернуть голову набок, скрючить руку или ногу, поразить болезнью, отнять разум и способность говорить. Потому старались не попадаться на его пути и предпринимали средства магической защиты. Знали: если в завертевшийся по дороге пылевой столб метнуть нож либо топор, то вихрь прекратится, а брошенный предмет окажется в крови [22].

Представление о сердитом лешем, который разгуливает, а то и мчится по своим проложенным в дебрях тропам, повлияло на общее правило: места, где некогда пролегли какие-либо дороги, опасны. Такое поверье записал у удмуртов Вятской губернии священник и этнограф Г. Е. Верещагин: «На то место, где прежде была дорога, строение не ставь: будет несчастье» [7, с. 115]. Удмурты Башкирии при закладке нового дома сжигали на этом месте немного соломы, чтобы «нечистые духи» перестали ходить, если там была какая-нибудь дорожка [2, с. 2]. Дело в том, что, по свидетельству вятского статистика и этнографа П. М. Сорокина, удмуртский леший (нюлэсмурт) «являлся... в страшном виде; иногда по лесу мчался вихрь, ломая тысячи древних, огромных деревьев – это проходил леший или мчалась его свадьба» [27, ф. 170, оп. 1, д. 126, л. 7 об. – 8]. Когда русские крестьяне Среднего Урала выбирали место для строительства дома, то знали: места, по которым проходили дороги, не годятся, там селиться опасно [28, с. 7]². Коми-пермяки считали, что нельзя ставить двор на том месте, где прежде была дорога или тропинка, а еще там, где случается вихрь, свадьба нечистых, – тогда не будет покоя живущим, ведь некоторая часть вредоносных поветрий и отрицательных влияний сохраняется [10, с. 34]. У коми-зырян Удорского района Республики Коми записана быличка, как в одной избушке постоянно «разные чудеса творились» – что-то стучало, гремело,

¹ [11, А. III]: Леший сгоняет человека с места (с дороги); [8, А. IV. 3]: Пила в вихре.

² Более общие наблюдения см.: [3, с. 45. Ср. с. 40–41].

дверь сама открывалась, спящих людей с места на место перетаскивало. А в соседней избушке такие шутки не случались. Все потому, что одна из двух избушек оказалась на тропе лешего. А в Корткеросском районе рассказывали, что человека, заночевавшего под развилистой елью, в полночь согнал с места «как будто вихрь», выкрикнувший трижды: «Убирайся с нашего пути!» [12, с. 112, 111]. Подобные представления имелись у мордвы: «Нельзя селиться там, где раньше дороги были. Там покойников таскали – будут чудиться»; «Нельзя селиться, где раньше ворота были. Там покойников таскали – будут чудиться». Комментируя эти народные суждения, Н. М. Терехин отметил, что это указывает на связь дороги и ворот с миром мертвых [23, с. 151].

В научной литературе уже было отмечено, что «представление о свадьбе используется для осмысления буйства стихий, апофеозных их проявлений (гроза, вихрь) или же сложных, “комплексных” погодных явлений (дождь при солнце)» [4, с. 322]. То, что такой метафорой объяснялась неожиданная сочетаемость различных стихий, – это понятно. А почему так говорили о вихрях, бурях и грозах? И отчего фигурировали обычно лешие?

На образ лешего, как известно, влияло представление о «нечистых» мертвецах [16, с. 105, 107, 108]. Это не покойники – они неупокойники. Они не могут упокоиться после смерти, встают из могил, бродят возле места захоронения, витают в воздухе. Они кричат, жалуются, просят, запугивают, они способны погубить. Немалое число «нечистых» получалось из мертворожденных и умерших до крещения детей, а также из выкидышей и загубленных своими матерями младенцев. Все они составляли особую категорию мифологических существ, близких к иным мертвецам, умершим «не своей» смертью и лишенным подобающего поминовения – убитым, самоубийцам, утопленникам и т. д. [13, с. 16–17, 19–20, 22–26]. А еще считалось, что ведьмы заменяли плод в утробе матери, сунув ей в лоно веник-голик, обгорелую головешку, либо же подменяли уже рожденного младенца – и тогда в люльке оказывался уродливый малыш, который непрерывно кричал и никак не мог вырасти. Или так: уже подросткового ребенка кто-нибудь из старших в семье мимоходом проклянет – пошлет в сердцах «к лешему», и тогда дитя на самом деле окажется в его власти. Есть известный фольклорный мотив, встречающийся в русском фольклоре – «невеста из бани»: девочка, которую прокляла мать, живет у лешего или банника, потом вырастает и тогда просит парня взять ее замуж [8, В. II. 3; 27, 8. 1]³.

В общем, в «ином мире», во владениях мифологического «хозяина», ребенок продолжает жить, он как бы дозревает до положенного человеку срока. И лишь свадьба дает ему шанс, только так подросток может вернуться в мир людей. Недаром девочку или скончавшуюся до свадьбы девушку некогда хоронили в наряде невесты. «Загробная свадьба», венчание с мертвым, смерть как свадьба – все это распространенные мотивы мифологических повествований, фольклора и литературы.

У славян известны поверья, будто в вихре проносились души некрещеных детей. Получается, что вихрь мог восприниматься свадьбой «нечисти», а мог иначе – как пролет демонических младенцев. Такие дети мечтали о кусочке холстины или хотя бы о нитках – их не повила пеленками добрая повитуха, они не смогли должным образом появиться на свет. Они выпрашивали крестик – значит, не были крещены. Наконец, некоторые из них, дозрев в «ином мире», стремились обвенчаться. Поскольку тема свадьбы в связи с представлениями о таких существах была особенно актуальна, то возможно, это и повлияло на складывание фольклорно-мифологического мотива: вихрь – свадьба нечистой силы.

Среди прочих мифологических персонажей именно леший много и часто перемещался, будучи связан с тропами и путями-дорогами. Уверенность в существовании у лесных «хозяев» собственных путей и представления о стремительности их свадеб (у людей-то свадебные поезда спешили всегда), подводили к догадке, будто буреломы – это зримые следы лешачьих свадебных выездов. Так что быстрое, опасное для окружающих движение обычных свадебных процессий, по-видимому, отразилось в представлениях о свадьбах леших. Завалы из рухнувших деревьев случались после бурь и вихрей, а потому вихри стали связывать с лешими, которые стремглав проносились по чащобам или мчались в своих свадебных поездах.

Список литературы

1. Айвазян С., Якимова О. Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах. URL: <http://ruthenia.ru/folklore/ayvazan1.htm#3> (дата обращения: 26.02.2023).
2. Антиев Г. А. Из религиозных обычаев вотяков Уфимской губернии Бирского уезда // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Имп. Казан. ун-те. 1891. Т. 9. Вып. 3. С. 1–2 (отд. пагинация).

³ См. также: [1, В. II. 3].

3. Байбурун А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Изд. 2-е, доп. и испр. М. : Языки славянской культуры, 2005. 224 с.
4. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007. 600 с.
5. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология : историко-этимологический словарь. Изд. 3-е, испр. и доп. М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. 926 с.
6. Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка : Губ. тип., 1907. 357 с.
7. Верещагин Г. Е. Собр. соч. : в 6 т. Ижевск : УдМНИИЯЛ УрО РАН, 1995. Т. 1. 259 с.
8. Зиновьев В. П. Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин. URL: <http://ruthenia.ru/folklore/zinoviev2.htm> (дата обращения: 26.02.2023).
9. Извлечения из материалов, собранных для Русского географического общества, по уезду Слободскому, священником Н. Г. Кибардиным // Вятские губернские ведомости. 1848. № 17. Ч. неофиц. С. 117–118.
10. Климов В. В. Приметы, обычаи и обряды коми-пермяков при устройстве подворья // Наш край : сб. науч.-поп. и краевед. ст. Кудымкар : Коми-Пермяцк. кн. изд-во, 2000. Вып. 8 / сост. Е. М. Дунина; отв. за вып. Н. А. Минатуллина. С. 32–41.
11. Козлова Н. К., Назырова Ф. Указатель сюжетов о лешем и тексты ФА ОмПГУ. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/kozlova6.htm> (дата обращения: 19.02.2023).
12. Коми йӧзкостса важ висьтъяс – Коми легенды и предания / введ., сост., коммент. и пер. Ю. Г. Рочева. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2006. 240 с.
13. Коршунков В. А. Анима. Отношение к домашним животным в России : исторические очерки. М. : Неолит, 2022. 360 с.
14. Коршунков В. Свадебный поезд против царского выезда // Родина. 2020. № 9. С. 127–129.
15. Левкиевская Е. Е. Выворотень // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 466–467.
16. Левкиевская Е. Е. Леший // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 104–109.
17. Лимеров П. Ф. Мифология загробного мира. Сыктывкар : Коми науч. центр УрО РАН, 1998. 125 с.
18. Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М. : Наука, 2006. 276 с.
19. Никифоровский Н. Я. Нечистики, свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе. Витебск : Н. А. Паньков, 1995. 85 с.
20. Осокин М., свящ. Народный быт в северо-восточной России: записки о Малмыжском уезде (в Вятской губернии) // Современник. 1856. Т. 60. Отд. : Смесь. С. 1–40, 179–214.
21. Раденкович Л. Демонічне весілля в народних переказах: слов'янські паралелі // Народна творчість та етнологія. 2012. № 2. С. 6–10.
22. Раденкович Л. Нож в вихре: об одном мифологическом сюжете в славянском фольклоре // Slavica Svetlanica. Язык и картина мира: к юбилею С. М. Толстой / редкол.: А. В. Гура, О. В. Белова, Е. Л. Березович. М. : Индрик, 2013. С. 239–247.
23. Теребихин Н. М. Строительная обрядность мордвы (по материалам полевых исследований) // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока: межвуз. сб. науч. ст. / отв. ред. А. Д. Столяр. Сыктывкар : Сыктывкар. гос. ун-т, 1985. С. 147–152.
24. Традиционный фольклор Новгородской области: Пословицы и поговорки. Загадки. Приметы и поверья. Детский фольклор. Эсхатология. По записям 1963–2002 гг. / сост. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб. : Тропа Троянова, 2006. 479 с.
25. Харитонов А. Очерк демонологии крестьян Шенкурского уезда // Отечественные записки. 1848. Т. 57. № 3–4. Отд. : Смесь. С. 132–153.
26. Харузин Н. Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда, Олонецкой губернии. М. : Б. и., 1882. 73 с.
27. Центральный государственный архив Кировской области.
28. Чагин Г. Н. Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века. Пермь : Перм. гос. ун-т, 1993. 184 с.
29. Шумов К., Преженцева Е. Указатель сюжетов-мотивов быличек. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/shumov1.htm> (дата обращения: 26.02.2023).
30. Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М. : Индрик, 2003. 528 с.

Tree-breaking weddings: road tradition of Russia, mythological representations, and the features of the Russian traditional wedding movement in the 19th and 20th centuries

Korshunkov Vladimir Anatol'evich

PhD in History, associate professor, Vyatka State University, Russia, Kirov. E-mail: vla_kor@mail.ru

Abstract. This paper explores mythological folk beliefs about weddings of the forest spirit (leshy). It was believed that rapid moving of their wedding coaches or sleighs crushed everything in its path and formed wind-breaks in a forest. In this regard, the folk ideas about special roads along which the forest spirits walk in forests are considered, as well as about a strong wind that accompanies a walking or driving leshy. These are predominantly Russian beliefs, rituals, and customs, but they are also inherent in other peoples of Russia – for example, Udmurts, Komi-Zyrians, Komi-Permyaks, Mordovians, etc. Historical, ethnographic, and folklore sources used in this paper date back to the 19th–20th centuries. Particular attention is paid to the Russian North and the Vyatka region. Source materials are studied in the historical and anthropological context.

It has been suggested in this paper that the belief of such leshy wedding journey is associated with the custom of a speed ride at human weddings. The participants of a wedding ceremony behaved violently, and their sleighs raced swiftly. Such actions were an integral part of the road tradition of Russia in the 19th and 20th centuries. Road tradition is the peculiarities of movement and other road circumstances during long-distance overland travel and transportation (mainly with the help of horse-drawn transport). Within methodological framework of this new historical and anthropological area even previously known historical facts and ethnographic phenomena may look different. In particular, the correlation and interconnection of mythological images and representations by historical and daily reality is revealed.

Keywords: road tradition of Russia, Russian folk mythology, wedding moving, forest spirit (leshy), historical and daily life, Vyatka region

References

1. Ayvazyan S., Yakimova O. *Ukazatel' syuzhetov russkikh bylichek i byval'shchin o mifologicheskikh personazhah* [Index of plots of the Russian bylichkas and byval'schinas about the mythological characters]. Available at: <http://ruthenia.ru/folklore/ayvazan1.htm#3> (date accessed: 26.02.2023).
2. Aptiev G. A. *Iz religioznykh obychaev votyakov Ufimskoj gubernii Birskogo uezda* [From the religious customs of the Votyaks of the Birk district of the Ufa province] // *Izv. O-va arheologii, istorii i etnografii pri Imp. Kazan. un-te. – Proceedings of the Society for Archeology, History, and Ethnography at the Imp. Kazan University*. 1891. Vol. 9. Is. 3. Pp. 1–2 (separate pagination).
3. Bayburin A. K. *Zhilishche v obryadah i predstavleniyah vostochnykh slavyan* [Housing in the rituals and ideas of the Eastern Slavs]. 2nd ed., add. and correct. M. Yazyki slavyanskoy kultury. 2005. 224 p.
4. Berezovich E. L. *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and traditional culture: ethnolinguistic studies]. M. Indrik. 2007. 600 p.
5. Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. *Russkaya frazeologiya: istoriko-etimologicheskij slovar'* [Russian phraseology: historical and etymological dictionary]. 3rd ed., correct. and add. M. Astrel : AST : Lyuks. 2005. 926 p.
6. Vasnetsov N. M. *Materialy dlya ob'yasnitel'nogo oblastnogo slovarya vyatskogo govora* [Materials for the explanatory regional dictionary of the Vyatka dialect]. Vyatka. Gub. tip. 1907. 357 p.
7. Vereshchagin G. E. *Sobr. soch. : v 6 t.* [Coll. of op. : in 6 vols.]. Izhevsk. UdmIYAL UrO RAS. 1995. Vol. 1. 259 p.
8. Zinoviev V. P. *Ukazatel' syuzhetov-motivov bylichek i byval'shchin* [Index of plots-motives of bylichkas and byval'schinas]. Available at: <http://ruthenia.ru/folklore/zinoviev2.htm> (date accessed: 26.02.2023).
9. *Iz vlecheniya iz materialov, sobrannykh dlya Russkogo geograficheskogo obshchestva, po uezdu Slobodskomu, svyashchennikom N. G. Kibardinym* [Extracts from materials collected for the Russian Geographical Society, in the Slobodsky district, by the priest N. G. Kibardin] // *Vyatskie gubernskie vedomosti – Vyatka Provincial Bulletin*. 1848. No. 17. Part non-official. Pp. 117–118.
10. Klimov V. V. *Primety, obychai i obryady komi-permyakov pri ustrojstve podvor'ya* [Signs, customs, and rituals of Komi-Permyaks when arranging a farmstead] // *Nash kraj : sb. nauch.-pop. i kraeved. st. – Our land : coll. of the scientific, popular, and local historical articles*. Kudymkar. Komi-Permyatsk. Publ. House. 2000. Is. 8 / ed. by E. M. Dunina, N. A. Minatullina. Pp. 32–41.
11. Kozlova N. K., Nazyrova F. *Ukazatel' syuzhetov o leshem i teksty FA OmPGU* [Index of plots about a forest spirit (leshy) and the texts of the FA OmPGU]. Available at: <https://ruthenia.ru/folklore/kozlova6.htm> (date accessed: 19.02.2023).
12. *Komi jözkostsa vazh vis't"yas – Komi legendy i predaniya* [Komi legends] / comp., transl. and ed. by Yu. G. Rochev. Syktyvkar. Komi Publ. House. 2006. 240 p.

13. Korshunkov V. A. *Anima. Otnoshenie k domashnim zhitvotnym v Rossii: istoricheskie ocherki* [Anima. Attitude towards domestic animals in Russia: historical essays]. M. Neolit. 2022. 360 p.
14. Korshunkov V. *Svadebnyj poezd protiv carskogo vyezda* [Peasant wedding vs tsar's coach] // *Rodina* (Motherland). 2020. No. 9. Pp. 127–129.
15. Levkivskaya E. E. *Vyvoroten'* [Wind-blown tree] // *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheski slovar'* – Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary / ed. by N. I. Tolstoy. M. Mezhdunarodnye otnosheniya (International Relations). 1995. Vol. 1. Pp. 466–467.
16. Levkivskaya E. E. *Leshij* [Leshy] // *Slavyanskije drevnosti : etnolingvisticheski slovar'* – Slavic antiquities : an ethnolinguistic dictionary / ed. by N. I. Tolstoy. M. Mezhdunarodnye otnosheniya (International Relations). 2004. Vol. 3. Pp. 104–109.
17. Limerov P. F. *Mifologiya zagrobnogo mira* [Mythology of the underworld]. Syktyvkar. Komi nauch. centr UrO RAS. 1998. 125 p.
18. Loginov K. K. *Etnolokal'naya gruppa russkih Vodlozer'ya* [The ethnic and local group of Russians in Vodlozero]. M. Nauka (Science). 2006. 276 p.
19. Nikiforovskij N. Ya. *Nechistiki, svod prostonarodnyh v Vitebskoj Belorussii skazanij o nechistoj sile* [Nechistiki, a set of the common people legends in the Vitebsk Belarus about evil spirits]. Vitebsk. N. A. Pankov. 1995. 85 p.
20. Osokin M., priest. *Narodnyj byt v severo-vostochnoj Rossii: zapiski o Malmyzhskom uezde (v Vyatskoj gubernii)* [Folk life in north-eastern Russia: notes on the Malmyzh district (in the Vyatka province)] // *Sovremennik – The Contemporary*. 1856. Vol. 60. Sec.: Varia. Pp. 1–40, 179–214.
21. Radenkovich L. *Demonichne vesillya v narodnih perekazah: slov'yanski paraleli* [Demon wedding in the folk tales: Slavic parallels] // *Narodna tvorchišt' ta etnologiya – Folk art and ethnology*. 2012. No. 2. Pp. 6–10.
22. Radenkovich L. *Nozh v vihre: ob odnom mifologičeskom syuzhete v slavyanskom fol'klore* [Knife in a whirlwind: about a mythological plot in Slavic folklore] // *Slavica Svetlanica. Jazyk i kartina mira: k jubileju S. M. Tolstoj – Slavica Svetlanica. Language and worldview: to the anniversary of S. M. Tolstaya* / ed. by A. V. Gura, O. V. Belova, E. L. Berezovich. M. Indrik. 2013. Pp. 239–247.
23. Terebikhin N. M. *Stroitel'naya obryadnost' mordvy (po materialam polevyh issledovanij)* [Building rituals of Mordovians (based on the field research)] // *Materialy k etničeskoj istorii Evropejskogo Severo-Vostoka : mezhvuz. sb. nauch. st. – Materials for the ethnic history of North-East Europe : interuniversity coll. of the scientific articles* / ed. by A. D. Stolyar. Syktyvkar. Syktyvkar State University. 1985. Pp. 147–152.
24. *Tradicionnyj fol'klor Novgorodskoj oblasti: Poslovy i pogovorki. Zagadki. Primety i pover'ya. Detskij fol'klor. Eskhatologiya. Po zapisyam 1963–2002 gg.* [Traditional folklore of the Novgorod region: Proverbs and sayings. Puzzles. Signs and beliefs. Children's folklore. Eschatology. According to the records 1963–2002] / comp. by M. N. Vlasova, V. I. Zhekulina. SPb. Tropa Troyanova. 2006. 479 p.
25. Kharitonov A. *Očerki demonologii krest'yan SHenkurskogo uezda* [Essay on the demonology of the Shenkursk district peasants] // *Otechestvennye zapiski – Domestic notes*. 1848. Vol. 57. No. 3–4. Sec.: Varia. Pp. 132–153.
26. Kharuzin N. N. *Iz materialov, sobrannyh sredi krest'yan Pudozhskogo uezda, Oloneckoj gubernii* [From materials collected among the peasants of the Pudozh district, Olonets province]. M. 1882. 73 p.
27. Central State Archive of the Kirov region.
28. Chagin G. N. *Mirovozzrenie i tradicionnaya obryadnost' russkih krest'yan Srednego Urala v seredine XIX – nachale XX veka* [Worldview and traditional rituals of Russian peasants of the Middle Urals in the middle of the 19th and early 20th centuries]. Perm. Perm State University. 1993. 184 p.
29. Shumov K., Prezhentseva E. *Ukazatel' syuzhetov-motivov bylichek* [Index of plots-motives of the bylichkas]. Available at: <https://www.ruthenia.ru/folklore/shumov1.htm> (date accessed: 26.02.2023).
30. Shchepanskaya T. B. *Kul'tura dorogi v russkoj miforitual'noj tradicii XIX–XX vv.* [The culture of road in the Russian mythological and ritual tradition of the 19th–20th centuries]. M. Indrik. 2003. 528 p.